

9/С)1 ЯР

1189 К

-29780-

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Тезисы докладов научной конференции

**БОГОЯВЛЕНСКИЙ СОБОР
РОСТОВСКОГО АВРААМИЕВА МОНАСТЫРЯ
И МНОГОПРИДЕЛЬНЫЕ ХРАМЫ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.**

Изучение многопридельных храмов происходило в большей степени на формально-композиционном уровне без исследования изменений в их семантической основе. В середине XVI в. многопридельность становится основой композиционного замысла. Каждому престолу соответствует отдельное сооружение.

Средневековый зритель воспринимал придел отдельным храмом, если даже он не был выделен в композиционной структуре и находился на хорах или в дяконнике. Это проявилось в стаффажах на иконах или книжных миниатюрах, где изограф нередко изменял реальное расположение придела так, чтобы его обозначение было более наглядным. Это находит аналогию в многопридельных соборах второй половины XVI в., где иконографическое и вотивное восприятие придельного храма сливаются в реальности.

Это явление возникает в контексте конкретных событий русской истории. Такие сооружения появляются после Казанской победы как обетные храмы. Устройство в них большого количества престолов делает их метафорически подобными помещенным в летописных описаниях 1550-х гг. казанского похода молитвам о представительстве целому сонму святых. Важное место в них занимают новые русские чудотворцы, канонизированные на соборах 1547, 1549 гг. Большинство престолов в новых обетных храмах посвящаются им. На соборе 1549 г. были утверждены жития и каноны, а в церквях 1550-х—1560-х гг. каждому из них создают отдельный храм.

Связь посвящений с историческими событиями становится более конкретной. Посвящения престолов связываются в определенную программу. В древнюю традицию привносится некоторая повествовательность, которая отмечается исследователями и в живописи того времени, где образ святого переживается через изображение явленных деяний.

Это сравнение возможно потому, что устройство придела в храме было для средневекового сознания не столько памятью о человеческом поступке, сколько о действии Божественного промысла. О его отдельных деяниях, проявившихся и связанных между собой в житии святого, или истории, прошедшей с донатором, свидетельствуют посвящения престолов многопридельных храмов. Сам факт строительства церкви с посвящением, символизирующим все события в целом, становится недостаточным. Каждый придел, как клеймо в иконах того времени, повествует об определенном чуде, в котором проявилась Божественная воля.

Вероятно, впервые такая программа получила воплощение в деревянном соборе Покрова на Рву, освященном 1 октября 1554 г. Однако, мы не найдем нигде указаний на то, как и когда царь давал обет о его строительстве. Источник упоминает лишь о обете сооружения церкви в Казани, в случае ее взятия. Их закладка и строительство были преддверием их возведения в других городах Руси. Посвящения всех храмов, заложенных в Казани, были связаны с событиями Казанского похода и с помощью отдельных святых в покорении агарян.

В Москве та строительная программа, которая в Казани охватывала весь город, была воплощена в одном храме. Она, типологически оставшись той же, воплощалась в других посвящениях, связанных уже с событиями всего похода.

Но первым примером программы, заложенной в системе посвящений, и ее отражения в композиции каменного храма, может служить собор Богоявления Авраамиева монастыря, датированный по описным книгам 1554—1555 гг., т. е. когда строительство каменного собора Покрова на Рву только начиналось.

Источники связывают его возведение по царскому заказу с реликвией, хранившейся в монастыре и игравшей, согласно преданию, в Казанском походе роль палладия. Это трость, которой, по словам жития, Авраамий Ростовский сокрушил идола Велеса, получив ее перед этим от апостола Иоанна Богослова, явившегося ему на реке Ишне. Идейный замысел выразился не только в самом факте сооружения нового храма над местом погребения чудотворца, которому придавалось значение представителя в борьбе за утверждение православия. Он выразился в большей мере в посвящениях трех новых престолов. Они соответствовали преданию жития, объединяю-

щего двух святых — Иоанна Богослова и Авраамия Ростовского, о которых в XVI в. на основе апокрифов и жития сложились представления как о помощниках в борьбе с язычеством. В этом контексте посвящение третьего престола Иоанну Предтече — патрональному святому Ивана IV — достаточно ясно устанавливало символическую связь с недавним покорением Казани. Престол Авраамия был помещен в шатровом приделе на юго-востоке храма, Иоанна Богослова — в церкви-колокольне на юго-западе, Иоанна Предтечи — в бесстолпном приделе на северо-западе.

Житийное предание не только было зафиксировано в посвящениях престолов. При новом восприятии придела как пространственно выделенного храма оно опосредованно отразилось в композиции монастырского собора.

Пристройка к четырехстолпному пятиглавому храму трех приделов не внесла изменений в традиционную для северо-Восточной Руси структуру. Он сохраняет образ русского храма, сложившийся в результате перестроек.

Создание нового типа храма произошло уже в соборе Покрова на Рву. В основе его композиции лежит то же предметное, в чем-то изобразительное отношение к памяти об осуществлении промысла. Однако, здесь программа была многослойной и уникальной, благодаря чему произошел выход за границы традиции. Передатировка церкви в Дьякове 1560—1570-ми гг. позволяет предполагать, что появлению собора Покрова на Рву предшествовали не конкретные архитектурные поиски, а сложение нового символического мышления.